

ТРЕЗВОСТЬ И КУЛЬТУРА

..Он начал писать, когда ему было пять лет. На вопросы старших загадочно заявлял, улыбаясь: "Я пишу "Записки сумасшедшего". Сейчас, больше полувека спустя, его произведение с похожим названием, "Записки психопата", выходит в юбилейном однотомнике. Накануне дня рождения Венедикта Ерофеева в Москве и Петушках проводятся всевозможные акции: открываются выставки, памятники героям поэмы. Но вся эта шумиха не по душе семье писателя. "Лучше помогли бы нам памятник на могиле отремонтировать", — говорит родная сестра Венедикта Нина Васильевна Фролова (до замужества — Ерофеева). Она согласилась рассказать корр. "МК" о любимом младшем брате. "Все, что написано в "Москва — Петушки", — отчасти правда"

Веня, Нина и Боря Ерофеевы едут с Кольского

Петушинская пассия Валя и Венедикт Ерофеев - младший

По Ерофееву, лучшее средство от икоты и атеизма — ЭТО

БОЛЬШЕ ПИТЬ, МЕНЬШЕ ЗАКУСЫВАТЬ

Сверточек

Мне было семь лет, когда Веня родился. Из роддома его забирал папа с моей старшей сестрой. И она рассказывала, как ей этот сверточек вручили, привезли его... Нас было пятеро в семье. Он самый младший. Венедикт родился в 38-м году, а в 41-м началась война, и нас стали эвакуировать с Кольского полуострова. В эвакуацию мы ехали очень долго — сначала поездом, потом нас высадил где-то в Архангельской области, и мы ночевали прямо на перроне. Но малышей наших, Боря и Веню, взяли в комнату для детей. Так вот, они среди ночи тихонечко встали и стали играть в железную дорогу: собрали обувь со всех спящих ребятишек, сделали поезд с вагончиками...

И голодно было, и всякие неурядицы были, но все-таки мы были дружны между собой. И очень любили читать. Веня читал все, что попадалось под руку. И писал уже какие-то сочинения. Мы его спрашиваем: что ты там все пишешь и пишешь? А он говорит: "Записки сумасшедшего". Ни сюжета, ничего из этих записок я, конечно, не помню, да и не сохранились они... Единственное, что сохранилось, — это его письма к старшей сестре. Я-то жила в Москве, мы с ним общались, а Тамара так и живет там, в Хибинах, на Кольском...

Письмо сестре (из семейного архива)

"Тамара Васильевна, мое почтение.

Дней пять тому назад мне позвонила моя прежняя невеста и кратко мне пересказала твою эпистолу. Так вот, я тебе покороче и подельнее о том, что у меня свежего в эти минувшие полгода. Уместнее, конечно, начать вот с чего: через двенадцать дней, 21.02, состоится мое второе по счету бракосочетание. (Носова Галина Павловна, сотрудник ЦСУ, моложе меня тутелька в тютельку на два с половиной года.) <... >

Надо отдать должное "соломенной вдове": на вопрос, как с алиментами, она ответила мило и скептически: "Никаких алиментов. Что я, сумасшедшая, что ли?". С точки зрения словесника можно было бы сказать и лучше, но ничего лучшего сказать было нельзя с точки зрения разводящегося. Во всяком случае я ее пригласил на 21 февраля, а если ее и не будет, то виной будет ее уездная инертность и ничего другого. Это славная девка. И я рад, что расстался с ней.

Мне сейчас приходится, и придется, если бог милостив, жить вот где: самый центр Москвы, через дом от Колонного зала Дома союзов, в тридцати секундах ходьбы от Театра оперетты, в тридцати пяти от Центрального телеграфа, в сорока от МХАТа. <... >

С запада обнадеживающие новости. В начале октября мы провожали в Вену отъезжающих в Тель-Авив супругов Белгородских. Они застряли в Вене по случаю беременности и два раза в месяц называются. Так вот, мои издания на западе вовсе уж не так химеричны, как мне прежде казалось. Вот только те издания, которые они знают: "Тель-Авив" на русском языке, перепечатка на русском же языке в альманахе "Мосты" (Мюнхен), на французском языке в обезображенном и урезанном виде. <... >

Я во всяком случае рад, что на склоне лет стал прозорливым и вовремя сменил кандидатку биологических наук кандидаткой экономических наук. Если кто-нибудь

усмотрит в этом цинизм, то он дурак неопроходимый. Всем Ерофеевым по привет. Удачи тебе на всех попрощах.

P.S. <... > Я девять лет отбарабанил симметрировщиком кабельных линий связи, а ты всю жизнь почтампта. Так вот, скажи мне, пожалуйста, почему звонящего из ФРГ Иоффе вдесятеро слышнее, чем собственную жену из Петушинского района?"

Старый хрен Тихонов

Венедикт всегда любил каламбуры. Один из тех, что мне запомнился: "Во главе Союза композиторов у нас молодой Тихон Хренников, а во главе Союза писателей — старый хрен Тихонов".

Москва — Петушки

Позже наши пути пересеклись в 66-м, когда мы с мужем и семьей приехали в Москву. Он тогда работал на кабельных работах. И все время ездил по маршруту Москва — Петушки.

"Петушки — это то место, где не умолкают птицы ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отвлекает жасмин. Первородный грех, может, он и был, — там никого не тяготит. Там даже у тех, кто не просыпается по неделям, взгляд бездонен и ясен. Там каждую пятницу, ровно в одиннадцать, на вокзальном перроне меня встречает эта девушка с глазами белого цвета — белого, переходящего в белесый, — эта любимейшая из потаскух, эта белобрысая дьяволица. А сегодня пятница, и меньше чем через два часа будет ровно одиннадцать, и будет она, и будет вокзальный перрон и этот белесый взгляд, в котором нет ни совести, ни стыда. Поезжайте со мной — о, вы такое увидите!..."

В.Ерофеев. "Москва — Петушки".

Там, в Петушках, у Венедикта была семья. Валя, его первая жена, — красавица. Такая черноглазая, стройная... Немножко что-то цыганское во внешности. С ней Венедикт познакомился, когда учился во Владимирском пединституте. В общем-то это, конечно, была любовь. Они поженились, потом у них родился мальчик... Назвали тоже Венедиктом.

Владимирский пединститут

Он там недолго учился, хотя его там воевою считают земляком. А сами-то выгнали его! Из-за того, что в туббочке нашли у него Библию. Он ее и сам читал, и других знакомил. У нас же страна атеистов, а тут вдруг Библия в туббочке! Конечно, выгнали.

А до этого Венедикта успели выгнать еще и из МГУ. Говорили, что якобы военрук его отчислил за то, что Веня не умел драться. Но на самом деле (по словам брата) вот какая была история: когда начались гонения на Пастернака, они, студенты, собрались высказать ему свою признательность, посочувствовать ему. Ну и зашли к Пастернаку прямо на квартиру. Там их и загребли (за Пастернаком и за всем, что с ним происходило, в это время бдително следили). Был такой

скандал! Но за других ребят похлопотали влиятельные родители, и все было забыто. А Веню отчислили. Хотя на факультете он был фигурой заметной и учился лучше всех. Говорил: "Мне даже неудобно, что я самый первый, всегда один пятерки".

Книги

Даже мы, сестры, старше его, а он и нам все время давал рекомендации: что нужно читать, что не нужно... "Ты Набокова до сих пор не читала?!!" Откуда бы взялся у нас Набоков, если у нас его не печатали? Мы даже не слышали, что такой писатель существует. А он где-то находил. Я помню, в брежневские времена ему привезли нашумевшую книгу англичанина Конквеста "Большой террор". Тогда за эту книгу запросто можно было попасть в тюрьму. Он давал ее на одну ночь почитать. Ну что можно было за одну ночь?

Лениниана

— "Моя маленькая Лениниана" — это Венчикин сборник ленинских цитат, выпущенный потом отдельной книжкой. Например, таких: "Я решительно против всякой траты картофеля на спирт. Спирт можно и должно делать из торфа. Надо это производство спирта из торфа развить".

Любопытно, что Венедикт начал собирать эти цитаты очень давно, еще будучи совсем молодым. И когда он мне зачитывал, я говорила: "Не может этого быть. Откуда ты это взял?" — "А я, — говорит, — его всего перечитал. Ни один коммунист столько Ленина не прочитал, сколько прочитал я".

Алкоголь

"Да. Больше пейте, меньше закусывайте. Это лучшее средство от самонимения и поверхностного атеизма. Взгляните не икающего безбожника: он рассредоточен и темноклик, он мучается и он безобразен. Отвернитесь от него, сплюньте и взгляните на меня..."

"А знаете, что, ангелы? — спросил я тихо-тихо, — Тяжело мне..."

"Да мы знаем, что тяжело, — пропели ангелы. — А ты походи, походи, легче будет, а через полчаса магазин откроется: водка там с девяти, правда, а красненького сразу дадут..."

"Красненького?"

"Красненького", — нараспев повторили ангелы Господни.

"Холодненького?"

"Холодненького, конечно..."

О, как я стал взволнован!..

В.Ерофеев. "Москва — Петушки".

По-моему, выпивать он начал в Москве. Все эта студенческая обстановочка, всякие там вечеринки... Дома этого не было. Он изменился. Он какой-то стал отстраненный и говорил, что родственные отношения ничего не значат, отдалялся...

Болезнь

"Короче, записывайте рецепт. Жизнь дается человеку один только раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибиться в рецептах: Денатурат — 100 г Бархатное пиво — 200 г Политура очищенная — 100 г".

В.Ерофеев. "Москва — Петушки".

(Злые языки говорят, что он все это пил. И из-за такой неаккуратной выпивки у него и развился рак горла, от которого впоследствии Венедикт Ерофеев и скончался. — П.Б.)

— Да нет! Чистая фантазия! Они сидели и выдумывали, какой бы коктейль посмешнее составить. Для хохмы. Боже сохрани! Он такой гадости не пил — всегда только самые отборные продукты!

Мы с Тамарой думаем, что рак у него развился после травмы. Когда-то Венедикт сидел без работы. А его приятель пел в церкви. Так он взял Венедиктов паспорт и оформил его церковным служителем. Какие-то гроши Веня получал, счастлив был, конечно... И вдруг приходит ему счет. В общем, церковники так его обманули: представили ему сумму в виде налога, которая для него в ту пору была неподъемной. И Венедикт поехал выяснять с ними отношения. Все-таки люди, которые служат в церкви, казалось, должны быть милосердными... А они его так избили! Били и по голове, и горло было изранено сильно... Вот, кажется, после этого и стала развиваться болезнь...

"<... > И вот случилось самое ужасное: один из них, с самым свирепым и классическим профилем, вытащил из кармана громадное шило с деревянной ручкой; может быть, даже не шило, а отвертку или что-то еще — я не знаю. Но он приказал всем остальным держать мои руки, и, как я ни защищался, они пригвоздили меня к полу, совершенно ополоумевшего..."

— Зачем-зачем?.. зачем-зачем-зачем?.. — бормотал я... Они вонзили мне шило в самое горло... Я не знал, что есть на свете такая боль, и скрючился от муки. Густая красная буква "Ю" распласталась у меня в глазах, задрожала, и с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду".

В.Ерофеев. "Москва — Петушки".

Первую операцию ему сделали хорошо: все удалили, все замечательно, никаких метастаз. Он только не мог говорить. Ужасно переживал, писал записочки. Потом стал заниматься с врачом-логопедом, учиться говорить полупрошепотом. И говорил: "Я все время вижу во сне, что я болтаю, болтаю, все говорю, говорю..." А потом ему итальянцы подарили аппарат, который он прикладывал и через него говорил. Речь, конечно, получалась искаженная. Но мы привыкли и даже как-то не замечали.

А потом, через два года, вдруг снова обнаружили опухоль. Тогда была уже очень тяжелая операция. Настолько тяжелая, что вырезали у него на груди кусочки ткани, которой не хватало на том месте, где оперировали... Он перенес две тяжелейшие операции, и стало ясно, что он сдает...

Сблевать классическим романом

В свое время Венедикту Ерофееву пришлось поработать приемщиком стеклотары, сторожем, истопником, дорожным рабочим, монтажником линий связи... "МК" удалось найти человека, непосредственно знакомого с этой стороной жизни писателя. Рассказывает Игорь Авдиев, близкий друг Венечки, работавший с ним вместе на прокладке телефонного кабеля на Кольском полуострове и других объектах.

— У него был пушкинский дар дружбы. Даже дар такой, знаете, дружеской любви. Веня был верен, глубок, искренен. Он мог подозревать в неверности женщин и сам мог быть изменчивым, но дружбе не изменял никогда. Друзья прошли через всю его жизнь и были закваской к его творчеству. И все они — и Борис Сорокин, и Вадя Тихонов, и Володя Муравьев — стали персонажами "Москва — Петушки". Черноусый же в поэме — это я.

".. В эту минуту кто-то подошел к нам сзади и сказал:

— Я тоже хочу с вами выпить.

Все разом на него поглядели. То был черноусый, в жакетке и коричневом берете...

— И-и-и-и-и, — заверещал молодой Митрич. — Какой дяденька, какой хитрый дяденька...

Черноусый оборвал его взглядом из-под усов.

— Я никакой не хитрый. Я не вую, как некоторые. Я не вую у незнакомых людей предметов первой необходимости. Я пришел со своей — вот...

И он поставил мне на лавочку бутылку столичной..."

В. Ерофеев. "Москва — Петушки".

Так черноусый появился в ерофеевской поэме. А в жизни Ерофеева — на работах по прокладке телефонного кабеля.

Это когда закапываешь кабель под землю, затем раскапываешь, а потом опять закапываешь. А в свободное время играешь в сикку и пьешь вермут.

— Сика, она же трилистник, — это карточная игра, — поясняет Игорь Авдиев. — Цель — набрать тридцать три очка. Например, три туза или три десятки — это тридцать очков. Играть до тех пор, пока могут выдержать ставку. Потом начинают уже снимать пальто, штаны... Игнали в игры всякие, чтобы определиться, кому идти занимать у девок три рубля и бежать в магазин.

Но вы не путайте. Я с Веней в сикку не играл. Мы с ним играли в поэтов. Вы ведь знаете, как люди играют в города? Ну вот, в поэтов играется по тому же принципу: например, я называю строчку:

"Я никогда в любви не знал трагедий..."

А следующий должен начать со слова "трагедия", например:

"Трагедий я не выношу..."

Вообще, поэзия была для Ерофеева всем. Особенно поэзия Серебряного века. Веня как-то сказал: "Горечь от своей жизни, все то, что отравляет мою действительность, я сблевал при помощи двух пальцев: русской поэзии и классического романа".

Специально для "Московского комсомольца" Игорь Авдиев читает стихи своего друга, ходившие в ерофеевской компании в конце 50-х—начале 60-х годов.

Внимание:

СТИХОТВОРЕНИЯ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА

(ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ)

Совсем я не пьян,
Все понимаю
Седьмое ноября,
Первое мая.

♦ ♦ ♦

Я сегодня сказал моей милой:

"Дурочка, не идет тебе этот желтый ввер!"

А она мне ответила: "От дурака слышу!"

Материал подготовила
Полина БУТУЗОВА.

Фото Андрея ЕГОРШЕВА

"... И если я когда-нибудь умру — а я очень скоро умру, я знаю — умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издалека, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв — умру, и Он меня спросит: "Хорошо ли тебе там? Плохо ли тебе было?" А я буду молчать, опущу глаза и буду молчать, и эта немота знакома всем, кто знает исход многодневного и тяжелого похмелья. Ибо жизнь человеческая не есть ли минутное окосение души?"

В.Ерофеев.
"Москва — Петушки".